
СТАТЬИ

В. Н. Топоров

К СЕМАНТИКЕ ТРОИЧНОСТИ (СЛАВ. *TRIZNA И ДР.)

В одной из ранних своих статей О. Н. Трубачев предложил новую этимологию слов. **trizna*¹, связав это слово с числительным **tri*, точнее, с производным от него названием трехгодовалого животного **trizъ* (ср.: *Почто трѣбоу положити повелѣ Бѣ Абрааму тѣницеѧ трии лѣтъ. и козожъ тризояж.* Изб. Свят. 1073 г., л. 135²), находящим ближайшее соответствие в лит. *treigys* с тем же значением. Подобное решение представляется теперь самоочевидным, и, — забегая вперед, — приходится удивляться, что никто из пытавшихся разгадать этимологию этого слова не предложил такого естественного объяснения раньше. Впрочем, эта «рассеянность» имеет свои причины, которые были устраниены О. Н. Трубачевым. Прежде всего было сделано, несомненно, правильное предположение, что «*тризна*, *тризнице* — это обычай принесения в жертву животного при погребении»³, и это допущение сразу же дало в руки автора сильную семантическую мотивировку предлагаемой этимологии. Беспрогрызаемость этой мотивировки позволила отбросить целый ряд неясных форм, связанных

¹ См. Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике (1. *Trizna*) — SR 11, 1958, с. 219 и сл.; то же — ВСЯ 4, 1959, с. 130 сл.; ср. также дополнение к статье *тризна* — Фасмер IV, с. 102.

² Ср. также: *Възми ми юницу тризу и козу и овень тризъ*. Быт. XV, 9. Сборн. Волог. XV в. (*λάβε μοι δάμαλιν τριετίζουσαν καὶ αἶγα τριετίζουσαν, καὶ κριόν τριετίζουτα*), или: *поими оуницею тризоу и овънъ тризъ*. Изб. XIII в., см. Срезневский 3, с. 997. Следует заметить, что все эти цитаты относятся к известному месту из книги Бытия, где описывается жертвa («вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассечеными животными». XV, 17) в знак завета, заключенного Господом с Авраамом. Греч. *τριετίζουσαν, τριετίζουτα* при *τρι-έτης, τρι-ετής*, ‘трехлетний, трехгодовалый’, давало, видимо, славянскому переводчику возможность как-то соотнести *-i-* и *-из-*.

³ Этот вывод делается на основании сопоставления двух фрагментов из «Жития Константина Муромского». Ср. сначала: . . . не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе . . . ; ни ти з ни ща, ни димы, ни битвы, ни кожи кроинія, ни лицедранія, ни плача безмѣрного не творяху; и сразу же далее: Гдѣ коня з акала ѹци и . . . и битвы и кроинія и лиц натрескания творѧши!, откуда возможность идентификации *тризнища* и *коня закаланія* (к анализу этого текста ср. также: Котляревский А. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славян. М., 1868, с. 125 и сл.).

с анализируемым словом, которые отвлекали внимание предыдущих исследователей от принципиального решения и сосредоточивали его на частностях.

Если сейчас возникла потребность вновь обратиться к анализу слов. **trizna*, то она определяется стремлением еще раз обратить внимание на некоторые сложные и неясные детали, во-первых, и, во-вторых, по возможности расширить тот контекст, в котором черпаются семантические мотивировки данного этимологического решения.

Строго говоря, в распоряжении исследователей нет описаний погребальных обрядов или каких-то частей, которые были бы обозначены как «тризна». Ситуация такова, что или эти описания существуют (напр., у арабских путешественников или в западнославянских исторических хрониках), но они безымянны, или же, напротив, слово *тризна* выступает в тексте, но без разъяснения того, что имеется в виду⁴. В этом последнем случае при некоторых благоприятных обстоятельствах (в частности, когда есть последовательность частей погребального обряда), с известной вероятностью можно делать выводы о соответствующей реалии, т. е. о значении-денотате. Однако эти возможные выводы не должны вызывать особого оптимизма, поскольку даже в случае идентификации названия и его денотата остаются нераскрытыми семантические мотивы подобного называния. Отсюда преимущественный интерес (как, напр., в последней книге Э. Бенвениста о словаре индоевропейских институций) к значению-сигнификату, к его эволюции во времени, позволяющей восстановить историческую последовательность семантических мотивировок и единственное решение, относимое к идеализированному исходному состоянию, или к тому, как последовательность этапов эволюции значения проецируется на иерархизованную совокупность значений данного слова в синхронном плане.

В случае слов. **trizna* начинать приходится, несомненно, с тех примеров, где это слово выступает переводом греческих лексем. Только здесь значения бесспорны⁵. Ср. ст.-слав. *тризна* ἑπαθλού (Супр.), ц.-слав. (рус.) *тризна* (и *тризнь*) στάδιον, παλαιστρα, ἀθλού⁶,

⁴ Еще об одной категории случаев см. ниже.

⁵ Именно они были приняты как наиболее древние и исходные А. И. Соболевским, см. Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, 1910 («Тризна», с. 273—274).

⁶ Соответствующие примеры — Срезневский 3, с. 995—997. Несколько особый случай, когда греч. ἐπὶ τὸ σκάμψα переводится на *тризоу* (съ оусердіємъ идліше). Муч. Марк. ев. 2. Мин. чет. апр. 629, что нужно расценивать как слишком обобщенный перевод: греч. σκάμψа обозначает ров (в частности, в гимнасиях и палестрах; отсюда и поговорка ἐπὶ τοῦ σκάμψατος εῖναι ‘быть у рва’, т. е. быть готовым к схватке, к борьбе). Иное дело — передача τὸ σκάμψα как *тризнице*. В «Лексиконе» Берынды (1627) упоминается *тризни*, обозначающее место, где происходят поединки; ср. указанные М. Будимиром в связи с **trizna* ст.-серб. *trzni* (Босния) с тем же значением и диал. *trzan*. См. Будимир М. Протословенски и староандолски Индоевропльани. — Зборник филозофског ф-та Београдског университета, кн. II, 1952, с. 261—262. О подобных формах см. ниже.

а также производные слова *тризньный*, *триздьный*, *тризньникъ* (*Тризньникъ* часто исходя на *тризну*). Златостр. XII в. δ ἀθλητὴς εἰς παλαιστραν βαδίζων), *тризникъ* с существенными отличиями от предыдущего слова⁷, *тризнодавъцъ* (ἀγωνοθέτης, устроитель состязаний; тот, кто распределяет награды), *тризнице* (помимо других значений, ср. 'место тризны', 'ров' (см. выше) — τὸ σκάμπα или же: 'судилище' — δικαστήριον) и т. п.⁸ Суммарное перечисление греческих слов, которые переводятся словом *тризна*, оказывается недостаточным. Когда *тризна* передает греч. στάδιον или παλαιστρα (ристалище, стадион, школа, где, в частности, обучаются борьбе), имеет место перенос по смежности. Случай типа πρὸς τὸ στάδιον — на *тризну* или εἰς παλαιστραν — на *тризну* аналогичны современному узусу: *пойти на стадион* — *пойти на футбол, пойти в кино* — *пойти на кинофильм* и т. п. Поэтому ядро образует пара ἄθλον — *тризна*. Это уравнение оказывается весьма важным не только потому, что оно, если не единственный, то самый надежный аргумент в пользу таких значений, приписываемых слову *тризна*, как 'борьба', 'состязание', 'подвиг' (даже 'награда'⁹): оно позволяет, во-первых, высказать предположение о семантической мотивировке *тризна* именно в этих значениях и, во-вторых, существенно расширить семью слов, связанных с *тризна*, как за счет лексем с несколько иным кругом значений, так и за счет языков, чьи данные в этой связи или трактуются неверно, или же вовсе отвергаются.

Вполне разделяя мнение о слав. **trizna* как производном — в конечном счете — от количественного числительного **tri*¹⁰, видимо, допустимо видеть в *тризна* (в значении 'состязание', 'борьба' и т. п.) обозначение с овокупности из трех частей, каждая из которых относится к особому виду состязаний, входящих в состав погребального обряда, а в сумме соста-

⁷ Ср.: *Подобьнѣкъ мынѣ трыздѣнїкоу зълоу...* Гр. Наз. XI в., 259 πυκτῆ κακῷ (πύκτης 'кулачный боец': πυγμῆ 'кулак'); ... *тризникъ. великия тризны сотворивый.* Ио. Мал. Хрон. IV. 86 δ τελεστῆς, δ μιστικός ἄθλους ποιήσας. Нужно думать, что примеры такого рода, когда два разных по значению греческих слова передаются словами одного корня в славянском (δ τελεστῆς — *тризникъ*, ἄθλους — *тризны*), особенно поучительны, так как предполагают реальное наличие более чем одного значения у корня *тризн-* в данное время. Впрочем, такие примеры, как *Крѣпни трызници и борцы*. Жит. Ио. Злат. XV в., могут дать повод для поиска каких-то различий между *тризником* и простым борцом, ускользающих от современного исследователя.

⁸ Сюда — же — *натрыжнениѥ* (ἐπαθλον) и др., см. Срезневский 2, с. 342, а также далее.

⁹ Ср.: *Трызник обрѣтъ.* Гр. Наз. XI в., 86 (ἄθλον εὐράμενος).

¹⁰ При этом следует помнить о некоторой изолированности *тризна* среди других лексем с этим суффиксом; подавляющее большинство таких образований предполагает Adj., ср. *белизна, голизна, голубизна, желтизна, крутизна, левизна, новизна, прямизна, серизна, чернizна* и т. п. См. Обратный словарь русского языка. М., 1974, с. 79. Существенно, что в отличие от слов перечисленного типа в *тризна* элемент -и- относится к корню. Из других отклонений ср. *головизна, укоризна* и др.

вляют нечто вроде *троеборья* (ср. др.-греч. τρί-ἄθλον, куда могли входить бег, метания, борьба, при более известном пентатлоне [πέντε-ἄθλον, ион. πεντάεθλον, ср. πεντάθλιον у Пиндара; πεντ-άθλος, ион. πεντάθλος 'искусный в пятиборье' πενταθλέω, -εύω 'состязаться в пятиборье'], введенном еще на 18-й олимпиаде и состоявшем из пяти упражнений: ἄλμα, δίσκος, δρόμος, πάλη, ἀκόντιον¹¹; ср. совр. *биатлон* как продолжение той же модели). Хотя в современных языках используется именно модель типа «три» & «бор» (ср. нем. *Dreikampf*, лит. *trikovė*, лтш. *trīscīna* и т. п.), вполне возможны и варианты с внутренней формой «тройка», «триада». Не исключено, что *тризна* и воспринималось как такое «сокращение», если только, разумеется, соответствующее состязание, борьба давали основание для использования семантического множителя «три»¹².

Предположение о наличии у древних славян особого вида состязаний как части погребального обряда кажется достаточно правдоподобным. Помимо обширных типологических параллелей, уместно напомнить о такого рода состязаниях у осетин (о чем не раз уже писалось) и, возможно, у их скифо-сарматских предков на территории Северного Причерноморья, не говоря уж о подробном изображении состязаний после сожжения трупа Патрокла (ристание на колесницах, кулачный бой и борьба, бег, вооруженный поединок, метание диска и копья, стрельба) в 23-й песне Илиады.

Не менее важно, что др.-греч. ἄθλον, переводом которого является *тризна*, наряду с указанными значениями обладало и некоторыми другими, внутренне с ними связанными смыслами. Ср. прежде всего ἄθλον 'тяжелое испытание', 'страдание', 'мука', 'мучение' (ср. πολλῶν πόνων ἄθλα у Софокла); те же значения обнаруживаются и в ἄθλος (а также — 'труд', 'задание', 'дело'¹³) и в производных ἄθλιος 'бедственный', 'несчастный', 'жалкий', 'мучительный' (но и 'предназначенный к состязаниям'), ἄθλίως 'несчастливо', ἄθλιότης 'несчастье', 'бедствие' и т. п. Подобное сочетание смыслов типологически настолько часто (ср. состя-

¹¹ Начиная с 23-й олимпиады был введен и кулачный бой — πυγμή, ср. выше πύγτης 'кулачный боец', передаваемое словом *трызданыкъ*.

¹² Любопытно, что этот же элемент в разных языках может использоваться при обозначении победителя, того, кто достиг некоего высшего состояния (три как образ полноты, законченности, совершенства, превосходства; ср. образования типа укр. *трисвятый*, др.-греч. τρισ-ειδαίμων 'в высшей степени счастливый' (т. е. 'трижды счастливый'), τρισ-μαχαρ 'трижды блаженный', но и рус. *треклятый*, др.-греч. τρισ-χατάρατος, то же и т. п.), и соответствующей награды, доли (включая и обозначение третьего приза, ср. *третя*); интересно, что в числе наград на погребальных состязаниях в память Патрокла фигурируют три еножники, ср. Ψ 259, 264); разумеется речь должна идти о весьма опосредствованных случаях; ср. лит. *tributum* 'дар', 'подношение'; 'подать', *tributtio* 'распределение', *tribuo* 'распределять' 'даровать', 'присваивать', 'наделять', *tribus* 'триба' (одна из трех частей, на которые первоначально делилось население Рима), *trēs*, *tri-* (*tria*, *trium*).

¹³ Ср. ἄθλεύω 'упорно работать', 'выполнять тяжелый труд', но и 'состязаться, бороться'.

заться : истязать, **tēg-* : **tēz-* и т. п.), что делает несомненным, вопреки другому мнению, включение в семью *тризна* и таких западнославянских фактов, как чеш. *trýzeň* ‘мука’, ‘мучение’, *trýznění* то же, *tryzniti* ‘мучить’, ‘пытать’ (ср. *tryznitel*, *trýznivý* ‘мучивый’ и т. д.), словац. *trýzeň*, *trýznenie*, *tryznit*’ (ср. *tryznitel*, *trýznivý* и т. д.), польск. *tryźnić* ‘притеснять’, ‘мучить’, ‘терзать’ (наряду с более обычными ‘тратить’, ‘расточать’ — о времени), *tryźnienie*, *tryźnicel* и т. д. Польские примеры, как и, напр., ст.-чеш. *tryznowati*¹⁴ в соответствии с лат. *abuti* ‘расточать’, ‘растрачивать’, ‘проматывать’, ‘ злоупотреблять’) и *illudere* (ср., в частности, ‘бессмысленно тратить’, ‘губить’, но и ‘портить’, ‘надругаться’, ‘позорить’ и т. п.), показывают убедительные связи между этими двумя семантическими кругами и исключают необходимость (и даже правдоподобие) видеть в *tryzniti* два разных слова, как делают некоторые¹⁵.

Приведенные западнославянские факты апеллируют к связи с *тризна* не только через *熬*лоу, совмещающее в себе значения, присущие и *тризна* и западнославянским примерам, но и более непосредственно — через такие случаи, как ц.-слав. *тризна* : *страдальство*. . . Толк. неуд. позн. реч. 196 (Срезневский 3. с. 995)¹⁶, и, главное, через весьма характерную связь жертвы, жертвоприношения с мучением, страданием. В силу всех этих обстоятельств нельзя считать целесообразным исключение чеш. *trýzeň* из числа слов, сопоставляемых со слав. **trizna*, как это предлагается О. Н. Трубачевым¹⁷. Ссылка на то, что слова на-зма не имеют в старославянском парных образований на-зы, также, видимо, недостаточна. Прежде всего число примеров на-зы в старославянском явно недостаточно для надежного заключения (их десять); наличие *trýzeň* при *тризна* (уместно напомнить и о чеш., словац., польск. *tryzna* ‘тризна’, как бы их ни объяснять) само по себе является нарушением отмеченной закономерности, и число таких нарушений может быть увеличено при выходе за пределы славянских языков (ср. слав. **bojaznъ* при прусск. *biāspan* и под.); наконец, едва ли стоит отбрасывать др.-русск. *трывнь* ‘борьба’¹⁸, считая эту форму сомнительной из-за ее однократности («Пандект Антиоха»).

Связь западнославянских примеров, обладающих «отрицательными» значениями (сфера «трудного», «мучительного», «связанного с печалью» и т. п.), с *тризна* и, следовательно, *три* реализует весьма нередко используемую модель семантической мотивировки,

¹⁴ ČСМ 1864, с. 166.

¹⁵ Ср. Machek,¹ с. 538—539.

¹⁶ Естественно, что *страдальство* здесь может толковаться и иначе.

¹⁷ См. Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 131.

¹⁸ Кстати, в связи с соотношением *трывнь* — *тризна* — *трывно* ср. *блознь* — *блозна* — *блозно* (ср. также *блблзъ*, см. Словарь русских народных говоров, вып. З. Л., 1968, с. 76), хотя, конечно, словообразовательная структура этих двух триад различна.

с помощью которой могут быть объяснены и некоторые до сих пор остававшиеся темными случаи. Так, лат. *triste* (*tristis*) ‘печально’, ‘горько’, ‘сурово’ (ср. *tristis*, *tristitia*, *tristitudo*, *tristiculus*, *tristicus*, *tristia*, *tristor* и т. п.) через значение ‘трудно’, ‘с трудом’¹⁹ связывается с указанными выше славянскими примерами, которые в свою очередь соотносятся с числительным т р и. То же, разумеется, верно и для германских примеров, продолжающих и.-евр. **tristi-* или **treisti-*, типа др.-в.-нем. *dr̄isti*, др.-сакс. *thr̄isti*, др.-англ. *dr̄iste* (см. Pokorný, с. 1092)²⁰. Не исключено, что и лат. *trīcae* ‘неприятности’, ‘затруднения’, ‘треволнения’, ‘пустяки’ и т. п. (откуда *trīcor* ‘чинить трудности’, ‘прибегать к уловкам’, *trīco* ‘крючкотвор’ и т. п.) следует толковать как «сокращение» таких полных моделей, как русск. *треволнение*, ц.-слав. *тръвълнениe* и переводимое им греч. τριχυμία (ср. Минея 1096 г.); впрочем, это объяснение в глубокой перспективе, видимо, не противоречит обычному выводению *trīcae* (**trī-kā-*: лат. *terō* ‘тереть’ и т. п., к и.-е. **ter-*, ср. *trībulō*, *trībulātio* и т. п.) из форм со значением ‘тереть’, ‘растирать’, ‘молотить’ и проч., о чем см. ниже.

Если сама связь западнославянских слов типа чеш. *trýzeň* с слав. **trizna* семантически несомненна, то фонетические детали (*i* : *y*), конечно, пока не могут считаться удовлетворительно объясненными. Очевидно, приходится считаться с какими-то нерегулярными явлениями. Но здесь необходимо со всей категоричностью напомнить о польск., чеш. и словац. *tryzna* ‘тризна’ с тем же самым неожиданным *y*, которое и заставляет исследователей избирать самый легкий путь, а именно считать зап.-слав. *tryzna* заимствованием. «Čes. termín je ovšem přejat z východu, asi od Poláků, proto *y*. — Málo jasné; celá vec potřebuje podrobného zkoumání» (Machek, 1957, с. 538)²¹ — таков более или менее обычный выход

¹⁹ Ср.: *adulescentes gravius aegrotant, tristius curantur* (Цицерон «юноши тяжелее болеют, т р у д н е е выздоравливают»).

²⁰ Видимо, неслучайно наличие элемента *-st-* в указанных латинских и древнегерманских словах. Давно было замечено, что этот суффикс может выступать в порядковом числительном т р е т и й, ср. др.-ирл. *t r i s s* (из и.-е. **tri-slo-*); оск. *trstus* ‘testes’, лат. *testis* (из **ter-st-is*; свидетель как т р е т и й присутствующий), в связи с чем ср. соотношение *tristimōnia*, *-ium* ‘печаль’, ‘мрачность’ и т. п. и *testimōnium* ‘свидетельство’; вед. *tristha-*. См.: Szemerényi. Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960, p. 81; О *-st-* как показателе порядковых числительных и суперлатива см. Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action. Paris, 1948, p. 161 и след.; Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М.—Л., 1949, с. 236—237, 243—244 и др.

²¹ Ср. *Holub-Kopečný*, с. 392. Отсылка к польск. *tryzna* (см. выше) существенно не меняет сути дела, так как наличие элемента *try-* ‘три’ в сложных словах (латинского, греческого или даже славянского происхождения, ср. *trygubica*, *trynožki* и т. д., а также несложное слово *trynka* ‘тройка’ в картах), видимо, не могло предотвратить процесса стирания внутренней формы слова (семантический элемент ‘три’). В противном случае ничто не мешало бы перекодировке в **trizyna*. В русском *тризна*, напротив, внутренняя форма осознавалась, вероятно, значительно дольше.

из положения. Но при наличии исконных слов типа чеш. *trýzeň* нет серьезных оснований считать, что поляки или чехи заимствовали термин восточнославянского язычества, усвоили его себе (причем не в качестве обозначения исторической реалии, ограниченной чужим культурным миром) и сохранили почти через тысячетье после предполагаемого заимствования. Ст.-чеш. *tryzn*, согласно этой логике заимствования, тоже должно было бы рассматриваться как неисконное слово. Поэтому кажется более целесообразным считать, что не только чеш. *trýzeň* и под. связано с рус. *тризна* (см. выше) как факты одного и того же плана: чеш. *trýzeň* и под. может точно так же быть связанным и с зап.-слав. *tryzna*²². В этом случае особенность обеих групп слов (*trýzeň* и под. и *tryzna*), отличающая их от восточно- и южнославянских слов этого корня (*y : i*), должна иметь единое объяснение. Не предлагая его, можно все-таки с известным основанием предположить, что деэтимологизация слав. **trizna* в западной Славии (*tryzna*) как-то связана с взаимодействием этого слова с продолжениями слов. **tru-* : **try-* : **trov-* : **trav-* (и.-е. **treu-* : **trōu-* : **trū-*), ср. словац. *trúznit'* 'мучать' и т. п.: *trýznit'*, то же. Во всяком случае, заслуживает внимания тот факт, что значения, уже упоминавшиеся в связи с **trizn-* и под., повторяются и в продолжениях слов. **tru-* и под. ('мучать', 'причинять страдание', 'тратить', 'потреблять' (ср. слвц. *trovit'*), 'проводить время' (ср. польск. *trawić*) и др.). Существенно, что последние обладают и такими значениями, как 'кормить', 'питать', 'переваривать' (ср. ст.-слав. *травити* *стѣснѣти* Супр., с.-хорв. *tráviti*, чеш. *tráviti*; ср. *trava* и под.), которые могли бы помочь соотнести слов. **trizna* с идеей пира на похоронах, пиршественного поминовения покойного и, может быть, даже основного признака этого пира — ритуального питья. Во всяком случае, уже Иордан употребляет в описании погребения Аттилы славянское слово *strava* в характерном контексте: *Postquam talibus*

²² Можно сформулировать суть вопроса еще решительнее: если бы даже *tryzna* было действительным заимствованием в чешском и т. д., то оно не-пременно связалось бы с исконным *trýzeň* и под. Здесь уместно напомнить о следах тризны, обнаруживаемых в последнее время и у южных славян (см. Filipović M. Tragovi staroslovenske (staroruske) trizne kod Južnih Slovena. — In: Radović Naučnog društva Bosne i Hertegovine. XXVI, Odjeljenje istorijsko-filoloških nauka, knj. I. Sarajevo, 1966), при том, что слова, которые связывают с **trizna*, имеют нестандартную звуковую форму, ср. *trzna* 'ledina', *trze*, *trza*, *trzan* и др. (=«kasno jagnje u proleće koje se pusti da čitavog leta sisa majku, da bi se, na taj način ugojeno, zaklalo u svečanim prilikama»), а также боснийско-герцеговинские топонимы типа *Trzanj*, *Trzna* и т. п. В этой связи особенно существенно указание, согласно которому в этих говорах возможен переход *ri* или *iri* (чакавск.) в *r* иначе говоря: **trizna* > *trzna* и под. См.: Vuković J. Još jedan prilog tumačenju stsl. reči *trizna* (*tryzna*). — In: В памет на професор Стойко Стойков (1912—1969). Езиковедски изследвания. София. 1974, с. 591—953; *Idem*. Glasovnomorfološka i morfološko-semantičke evolucije dveju praslovenskih reči (*trizna*, *-lъža*). — In: Glasnik Zemaljskog muzeja — etnografija, nova serija XXVI. Sarajevo, 1971. — Очевидно, анализ праслав. **trizna* и его продолжений требует учета и этих форм (**trz-*, **tryz-*).

lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione concelebrant... («De getarum origine et rebus getis», Cap. 49), вполне сопоставимом с древнерусскими описаниями, в которых в соответствии с *stravam* выступает *тризна*. Ср. ...да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему. Лавр. летоп. (945)²³, а также непосредственно предшествующий фрагмент: и посла къ Деревланомъ ръкущи сице. се ouже иду к вамъ. да пристроите м е ды м н о г и (ср. *ingenti comessatione*) въ градѣ идеже оубисте мужа моего. Эти *меды* *многи* в связи с *тризной* и *stravam* отсылают к диалектному *тризна*, обозначающему ‘выпиваемое во время поминального угощения вино или смесь из пива, м е д у, браги’²⁴ (ср. *пивомедие*). Конечно, *тризна* как обозначение ритуального напитка могло возникнуть относительно поздно по метонимическому признаку. Но в данном случае важнее показать, что *тризна* могло иметь то же значение, что и *strava*, что оба эти термина относились к одному и тому же моменту погребального обряда и что, наконец, в этих условиях взаимодействие между слав. **trizna* и **try-* (**trav-* и т. п.) не являлось бы чем-то экстраординарным²⁵. Именно праславянский переход **u* > **y* фонетически сблизил эти две разные группы слов. При наличии же известной близости их значений этого могло оказаться достаточным для порождения скрещенных форм разной степени сложности (ср., напр., вариант **tryti* : **tryzna* (: **trizna*), подобно **koriti* : **u-korizna* и др., при котором название *тризны* может мотивироваться — хотя бы частично и приблизительно — идеей пиршства, кормления, угощения). Кстати, нужно заметить, что и церковнославянские примеры, относящиеся к данной теме и обычно игнорируемые, содержат в себе ряд неясностей подобного же рода: так, при *тризна*, *трызна* отмечены приставочные образования *натризнити* ‘насмеяться’, *натрызнити* (*хатастъся*), *натрыжненије*, *натрыжденије* ‘борьба’,

²³ Ср. близкие вариации: и п л а к а с я по мужи своеемъ и повелъ людемъ своимъ съсуги м о г и л у в е л и к у... и повелъ трызну творити. посемь сѣдоша Древлѧне пити. Лавр. летоп. (945 г.) или: аще кто оумраше, твораху трызно над нимъ. Лавр. летоп. (вводн. часть, см. ПСРЛ I, с. 14) и др. Ср. также *ни плача безмѣрнаго...* в «Житии князя Константина Муромского».

²⁴ См. Словарь современного русского литературного языка, т. 15. М.—Л., 1963, с. 966: На похоронных обедах сливают вместе виноградное вино, ром, пиво, мед и пьют в конце стола. Это называется «т р и з н о й». (Мельников-Печерский); Во многих местах России, особенно на заволжском севере, вино, выпиваемое в память покойника на сорокоустах, так-таки и называется «т р и з н о ю» (Е. Марков).

²⁵ Интересно, что здесь возникает смысл ‘тереть’, ‘растирать’; ср. сербск.-ц.-слав. *трыти* *трίβεти*, болг. *триѧ* ‘тру’ и т. п. Само же др.-греч. *τρίβω*, помимо ‘тереть’, ‘растирать’ и под., обозначает: ‘мучить’, ‘изводить’, ‘уничтожать’, ‘потреблять’, ‘тратить’, ‘проводить’ (о времени) и т. д. Вместе с тем, слав. **try-* (< **trū-*) родственно др.-греч. *τρύω* ‘мучить’ и т. д., не говоря об этом слове с другими расширениями в древнегреческом и других индоевропейских языках.

но и натръжение ‘борьба’ (*подвигъ натърженія съ дѣрѣзновеніемъ въсприимъ*. Мин. 1096 г., сент. 100), натръжение, то же ср. натрижнение (*скѣща*), см. Срезневский 2, с. 342. В свете форм со старым слоговым сонантом (**tr̥zn-* > **tr̥zn-*) уместно — хотя бы теоретически — допустить, что формы *трызън-* могут не только быть результатом известных колебаний *ri : ry* (ср. *крило : крыло, гриб : грыб* и т. п.), но и предполагать в качестве исходной форму типа **trūzn-* (> **tryzn-*), что возвращает нас к обстоятельствам западнославянских примеров.

Связывая слав. **trizna* с ц.-слав. *тризъ* ‘трехгодовалый’ (о животном), О. Н. Трубачев не только объясняет словообразовательные сложности, но и дает наиболее убедительную семантическую мотивировку слова, обозначающего тризну, когда оно кодирует определенную реалию, связанную именно с жертвоприношением: «Слав. *trizna* могло, таким образом, иметь значение ‘жертвенное заклание трехгодовалого животного’»²⁶. К этому можно добавить не только языковую отмеченность, особую выделенность слов со значением ‘трехлетний’, ‘трехгодовалый’ (ср. рус. *третьяк*, с.-хорв. *trētāk*, блр. *трызімак* и т. п., не говоря о старых индоевропейских образованиях типа др.-греч. *τρι-έτης*, *τρι-ετής*, лат. *triennis*, *triennalis*, др.-инд. *tri-vatsá*, *tri-varṣa* и т. п. — часто, но далеко не всегда, применительно к животным), но и весьма распространенное в разных традициях принесение в жертву именно трехгодовалого животного. Такое предпочтение определяется не только и даже не столько особой ролью числа три и самой идеи троичности в мифопоэтических традициях, сколько более специализированными мотивами, о которых вкратце см. ниже. Поэтому, строго говоря, в образованиях с элементом -*z*- типа ц.-слав. *тризъ*, с.-хорв. *двѣзѣ* ‘двуухлеток’ (овца или баран), *двѣзѣк*, *двѣзац* ‘двуухгодовалый баран’ первоначально не содержалось ни указания на возраст (годы)²⁷ (в отличие от приведенных выше сложных слов с вторым элементом, обозначающим ‘год’), ни указания на животное (это указание не что иное как результат «сокращения» полных сочетаний типа *коза триза* или *treigys veřšis* и т. п.). Можно думать, что элемент -*z*- в слав. **trizъ* (как и -*g*- в лит. *treigys*) указывал на ратность,

²⁶ См.: Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 135.

²⁷ То же относится даже к регулярному типу в литовском (*dveigys*, *treigys*, *ketvėrgis*, *penkėrgis*, *šešėrgis*, *septynėrgis*, *aštunėrgis*, *devynėrgis*, *dešimtėrgis*, *šimtėrgis*), где значение ‘имеющий столько-то лет’ стало принудительным. См. *Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943, с. 103; *Lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius, 1965, I, с. 576 и др. По мере возрастания числового ряда все более обнаруживается тенденция к отклонению от указанной принудительности, ср. *ketvėrgis* (*ketvergė*) ‘keturių akių korta’, *ketvėrgė* ‘монета в 20 коп.’, ‘монета в 40 коп.’; *penkėrgis* ‘susidedantis iš penkių vienetų’ (*Penkėrgis žvakių svaras*), *penkėrgė* ‘монета в 25 коп.’; *aštunėrgė* ‘aštunorių akių korta’ и т. п. (см. LKŽ I, с. 345; V, с. 665; IX, с. 788 и др.), ср.: рус. *четвѣре*, ц.-слав. *четвѣргъ* с тем же элементом или даже др.-в.-нем. *zwîg* ‘ветка’, нем. *Zweig*, англ. *twig* и т. п.

многочастность определяемого этим словом объекта²⁸, которая у балтов и славян чаще и устойчивее всего реализовалась в связи с возрастом животного. Таково, собственно, положение и в других индоевропейских языках, где идея трехчастности выражается сочетанием числительного «три» с чистым суффиксом или даже суффиксообразным элементом, сохраняющим связи с полнозначными словами (ср. др.-греч. τρι-πλόος /-πλοῦς/, τρι-πλαξ, лат. *triplex*, нем. *dreifach*, с.-хорв. *трдгуб*, *трдкратан* и др.).

В силу сказанного нельзя исключать возможность и других мотивировок слов. **trizna* (кроме указания на трехгодовалость жертвенного животного) в связи именно с жертвоприношением при погребальном обряде. В архаичных традициях эволюция жертвоприношения реконструируется на основании огромного количества данных обычно в следующем порядке (в направлении к прошлому): бескровная жертва ← жертва некрупного, относительно недорогого (часто именно трехгодовалого) домашнего животного (← жертва трех таких животных) ← жертва трех животных разных видов (напр., конь — корова — овца или корова—овца—коза, или коза—свинья—петух и т. п.²⁹) ← существование трех возможных жертв (передко сменяющих друг друга в эволюции): человек, домашнее животное, дикое животное ← жертвы отмеченного числа (в частности, трех) юношей, девушек и т. д. Данные славянской археологии, этнографии, ранние исторические свидетельства и т. п. позволяют с большим или меньшим вероятием восстановить все этапы этой схемы, причем почти все ее звенья, кроме самых ранних, засвидетельствованы совершенно бесспорными источниками. Поэтому напрашивается предположение, согласно которому на более ранних этапах слов. **trizna* могло мотивироваться иначе. Так, оно могло, видимо, обозначать трех животных одного или разных видов. Характерно, что ц.-слав. *триз*- появляется трижды именно в контексте, описывающем тройную жертву трехгодовых домашних животных: *Възми ю и цу тризу и ко зу тризу и о венъ тризъ*. Быт. XV, 9. Сбор. Волог. XV в. Аналогичную ситуацию можно предполагать и у древних славян и балтов. Не имея здесь возможности говорить об этом подробнее, приходится ограничиться лишь минимумом необходимого. В одной из цитировавшихся выше работ указывалось, что из четырех стад, фигурирующих в восточнославянских сказках, которые продолжают основной миф, и четырех

²⁸ Похоже (особенно в случае **trizъ*, *treigys*), что такие образования указывали не только на многосоставность, но и на ее завершенность, целостность. В этом смысле мифоэтические триады потому и сакрально значимы, что состоят не из случайных элементов, а из элементов так или иначе репрезентирующих устойчивую трехчастную модель вселенной.

²⁹ И здесь эволюция обычно определяется переходом от триад более ценных животных к менее ценным. Ср.: *suovetaurilia* (свинья, баран, бык) у италиков, см. Dumézil G., *Targœia*. Paris, 1947, с. 117–122, отчасти: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 64–65, 116 и др.

видов животных, участвующих в обряде жертвоприношения, т р и являются общими — конь, корова, овца (введение четвертого животного или стада, подтверждаемое и другими данными (ср. римские и древнеиндийские ритуалы ³⁰), объясняется, видимо, четырехчленной моделью мифopoэтического космологического пространства и соответственно Перуна, ведущего борьбу за этих животных). Есть, разумеется, и более очевидные примеры тройной жертвы, ср. в описании латышского ритуала (1610 г.): . . . eique immolare j u v e n c a t nigrat, h i g c u m nigrum et g a l l u m nigrum. . . ³¹ или особенно в описании погребального обряда в память литовского князя Швенторога, содержащемся в западнорусских летописях и у М. Стрыйковского. Вместе с Швенторогом сжигают сокола, коня и хорта (собаку). Эта териоморфная триада кодирует три вертикальные зоны: верх—середина—низ, подобно тому как эти же зоны соотносятся с туром, волком и змеями в легенде об основании Вильнюса (ср. тех же животных в былинах с той разницей, что там выступает *лютый зверь*, обычно идентифицируемый именно с волком). Тройная жертва такого типа сочетает в себе аспект дифференцированности с аспектом целостности и соотносится с вертикальной структурой пространства, актуализируемой именно в погребальных обрядах в связи с оппозицией *ж и з н ь* — *с м е р т ь*. Впрочем, известны и другие типы соотнесения тройной жертвы. Анализируя мифы о жертвоприношении, различающие три рода смерти, Дюмезиль высказал предположение, согласно которому каждый род смерти влечет за собой ритуал одной из трех социальных функций ³². Полный жертвоприносительный ритуал предполагает объединение всех трех частных видов похоронного обряда. На основании значительного индоевропейского материала, в частности, и славянского, поставлен вопрос о тройной жертве, соотносимой с социальной структурой общества ³³. Поскольку сам похоронный обряд может предполагать сожжение в огне, утопление в воде или погребение в земле, тройной ритуал соотносится и с тремя стихиями. Испытать все три смерти значит исчерпать весь возможный опыт («пройти сквозь огонь и воду, и медные трубы», по ветхозаветному выражению), преодолеть все препятствия и обеспечить свою посмертную жизнь. Тройная жертва гарантирует полноту соответствующего ритуала и достижение всех решаемых им задач. Не исключено поэтому предположение, что и такое понимание

³⁰ См. Dumézil G. Religion romaine archaïque. Paris, 1966.

³¹ Smits P. Latviešu tautas ticējumi. Rīgā, 1940, N 23119, c. 1400.

³² См. Dumézil G. La Saga de Hadingus. Paris, 1953, c. 118—159; cp. *Idem. Triades de calamités et triades de délits à valeur trifonctionnelle chez divers peuples indo-européens*. — Latomus. Revue d'études latines, t. XIV, 1955, p. 173—185.

³³ См. Ward D. J. The Threefold Death: An Indo-European Trifunctional Sacrifice. — In: Myth and Law among Indo-Europeans. Berkeley—Los-Angeles, 1970, p. 123—142; Talley J. E. The Threefold Death in Finnish Lore. — Ibid., p. 143—146.

тройной жертвы в принципе могло служить мотивировкой слав. **trizna*, хотя и оно так или иначе соотносится с тремя членениями по вертикали и их атрибутами: верх-небо — огонь, боги, будущее; середина-земля — земля (стихия), люди, настоящее; низ-подземное царство — вода, покойники, прошлое. Ведийская традиция жертвоприношения, отличающаяся исключительной полнотой, многообразием и способностью эксплицировать те смыслы, которые обычно остаются скрытыми в других традициях, вся ориентирована на соотнесение жертвы со структурой мира. Более конкретно это соотнесение предполагает, что три мира (или трехчастный мир) отвечают трем жертвам (или расчленению жертвы на три части³⁴), независимо от того, как эти жертвы осуществляются (животные, лепешки, сома, возлияния, возглашения, литургические формулы, слоги, которые поются особым образом, поэтический размер (*triṣṭubh*) и т. п.); единственное непременное условие, что бы их было три, по числу миров, само название которых отражает основную тему всего погребального обряда — смерть (*pitr-loka* — 'мир предков', собств. — 'отцов', т. е. мир мертвых): жизнь (*jīvaloka* — 'мир людей', собств. 'живых'): бессмертие (*deva-loka* — мир бессмертных, собств. — 'богов')³⁵. Число примеров, где троичность жертвы объясняется в связи с троичностью вселенной, огромно; можно сказать, что само указание связи жертвенной и космологической триады для определенного класса ритуальных текстов является непременным элементом текста³⁶. Поэтому здесь более существенно указать на постоянство, с которым в этих

³⁴ Ср.: т г е dhā vibhaktap jūboti, traya īme loka. Тайтт.-Самх. V, 4, 3, 3 «он приносит жертву, расчлененную на три части, (ибо) три этих мира» и т. п. Возвращаясь в связи с этим мотивом к теме славянской тризыны, уместно иметь в виду и несколько другой аспект проблемы, находящий основание в сообщении Ибн Фадлана и уже давно оцененный как объяснение слав. *тризна*. О. Н. Трубачеву автор обязан указанием на следующее наблюдение (как и на ряд важных работ о тризне): «Ибн Фадлан говорит о разделении имущества покойного на три части, из которых одна идет на погребальное пиршество, и это известие совершенно удовлетворительно объясняет происхождение славянского слова *тризна*, которым обозначалось погребальное пиршество или поминки». См. *Иловайский Д. И.* Разыскания о начале Руси. Изд. 2. М., 1882, с. 31. Ср. также: «Что же касается богатого, то собирают то, что у него имеется, и делят на три трети, причем [одна] треть — для его семьи, [одна] треть на то, чтобы на нее скроить для него одежду, и [одна] треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином». См. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, с. 143, 245 (ср. с. 140: о самобичевании ремнями и плаче над покойным — в связи с отмечеными выше мотивами).

³⁵ Ср. Каушит.-Брахм. 20, 1. Интересно, что сам мир предков в индоевропейской традиции (вед. *pitrloka*-) может обозначаться словами, использующими семантический элемент «три», ср. τρι(το)πάτορες 'прапрадеды', лат. *tritavus* и т. п. Об отношении этой троичности к вновь умершему см. Трубачев О. Н. Указ. соч., с. 135 (с интересным белорусским примером).

³⁶ Подробно см. Gonda J. Triads in the Veda. Amsterdam, Oxford, New York, 1976, р. 59, 63, 67, 86, 93 и др.

текстах выступает сочетание числительного «три» и названия жертвы или действия жертвоприношения (ср. *yajñā* — *yaj-* : *yájati*, -*te*; *havīś* — *hu-* : *juhóti*). Эти сочетания или прерывны, или составляют одно целое, представленное сложными словами³⁷, ср. *tri-havīś* и даже (редко) *tri-yajñā*³⁸. Именно последние формы представляли бы собой особый интерес в связи с возможностью понимания тризыны (**trizna*) как тройной жертвы. В древнеиранской традиции, генетически тесно связанной с ведийской, в качестве соответствия к *tri-yajñā*- выступало бы нечто вроде авест. **θri-yasna-* (ср. авест. *yasna*, *yasnya-*, *yesnya-*, *yazata-*, к *yaz-* : *yaza⁴te*, ср. др.-перс. *yadataiy*)³⁹, ср. еще х.-сакск. *gyaysna-* (*gyays-*), н.-перс. *jašn* ‘праздник’ (ср.-перс. *yaštan* ‘почитать’), *īzad* ‘бог’, осет. диг. *izəd*, осет. ир. *zəd*, я gnob., шугн. *izzát* и т. п.; ср. также согд. *yz-* ‘жертвовать’ и др. Иначе говоря, можно думать о существовании старых иранских форм типа **θri-yazna-*, **θri-yezna-*, *θri-yizna-* и т. п., весьма близких и по значению и по форме к слав. **trizna* (: **θri/ye/zna-* ?).

Во всяком случае наличие (гипотетическое) в одном и том же (на юге России) ареале или в смежных ареалах славянской и иранской форм указанного типа может подтолкнуть исследователя к некоторым новым продолжениям в этой теме⁴⁰. В частности, встает вопрос о возможных отражениях слова того же корня, что и в др.-инд. *yajati*, авест. *yaza⁴tē* (индо-иран. **yag* : **ig-* как нулевая ступень) в славянском. В свое время Потебня проницательно указал на возможность связи с этими словами слав. **jygra*⁴¹ («и г р а означает собств. восхваление и умилостивление божества (пением, пляской)»; -*ra* — суффикс). Эта идея была забыта или отвергнута (ср.: «Неприемлемо...» Фасмер 2, с. 116, с предложением этимологии, лишенной серьезных оснований). Верно нашупав связь, Потебня, однако, был очень неточен в деталях. Поэтому сейчас его этимология может если не быть реабилитированной, то во всяком случае получить в свою пользу дополнни-

³⁷ Есть и промежуточные случаи; *triśavano yajñāḥ* — тройная жертва (в связи с тремя мирами) в Джайм.-Брахм. 2, 431 и т. п.

³⁸ Ср. *triyajñā* как *yajñēśā* ‘повелитель жертвы’, *tribhir veda ikyate* ‘Веда почтается тремя’ (см. *Böhlingk. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung*. Bd. 3. SPb., 1882, S. 53) или как *tri-akṣa-* ‘трехглазый’ (см. *Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford, 1970, p. 460, 462), ср. выше о тройке (трехочковой карте) в других языковых традициях

³⁹ См. *Bartholomae*, с. 1270—1271, 1273—1274.

⁴⁰ Если эта гипотеза приобретет некоторые дополнительные аргументы в свою пользу, то более или менее естественно возникла бы идея связи между авест. *daiva-yasna* (*daevayasnā*) ‘почтатель дэвов’, точнее его прототипом и славянскими обозначениями *Verbascum* (коровяк) типа болг. *диеъзна*, с.-хорв. *đivizna*, чеш. *divizna*,польск. *dziwizna* и др., в.-луж. *džiwigzna* и т. д., понимаемыми как «божественное пламя» (свеча), ср. нем. *Himmelbrand*, *Königskerze*, *Marienkerze* и т. д. Ср. дакийск. *διέσεμα* ‘*Verbascum*’. См. *Ślawski I*, с. 288; *Macheck* с. 88; БЕР I, с. 385 и др.

⁴¹ См. Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Этимологические заметки. Варшава, 1883, 4, с. 58 и др., а также Преображенский, с. 264.

тельные аргументы. Выше уже указывалось, что лат. *illudere* (в частности, — ‘играть’, ср. *lūdere*, *lūdus* и др.) определяло чеш. *tryznovati* и, следовательно, давало повод к условной реконструкции-уравнению: *tryzn-* : *trizn-* = ‘игра’. Ритуальное значение славянских слов с значением ‘игра’ сейчас вне всякого сомнения. Ср. хотя бы в русских говорах такие смыслы этого слова, как ‘хороводная игра, изображающая обряд сватовства’, ‘свадьба’, ‘торжество’, ‘праздник’, а также ‘свадебная песня’, ‘пляска’, ‘танцы’, ср. *играть* ‘водить хороводы’, ‘петь песни’, ‘танцевать’, ‘плясать’ (наконец, — ‘участвовать в играх’, причем во многих фразеологических сочетаниях, включающих и обозначение игры, сама эта игра является вырожденным обрядом)⁴². Примеры из других славянских языков и исторические свидетельства о бесовских игрищах⁴³ могли бы еще очевиднее подтвердить ритуальный характер игры у древних славян, причем в ряде случаев игра связана именно с жертвоприношением. Любопытно, что слав. **jygra* указывает на особую роль словесной части ритуала (помимо указанных примеров, ср. *игрēц* ‘певец’, *игрīца* «женщина, поющая на свадьбе»; ср. «Игрīцами называют баб, величаящих присутствующих на княжом столе» и т. п., с. 70—71 и др.), что сближает славянские данные прежде всего с иранской традицией, ср. *yasna-* как название одной из частей Авесты, где, собственно, и происходит величание, почитание в слове (ср. *yazaⁱtē*). Возможно, что в этом контексте получат свое наиболее естественное объяснение такие, до сих пор игнорируемые факты, как брянск. *трызныть* ‘говорить постоянно об одном и том же’ (ср.: *Годе табе трызни тъ! Як ты не бачыши, што тебе нухто не слухае*)⁴⁴; блр. *трыйзныцъ* ‘гаварыць праз сон’ (ср.: *Хворый усю ноч трызън і ў*), ‘бредить’, ‘грезить’ (ср. *трыйзныцца* ‘бредиться’, ‘мерещиться’, ‘чудиться’, *трыйзненне* ‘глубокий бред’) и т. п.⁴⁵ Также получает разъяснение и непонятое

⁴² См. Словарь русских народных говоров, вып. 12, 1977, с. 65—74. Ср. еще *игрēц* ‘нечистый дух’, ‘бес’, ‘домовой’ и т. д. В связи с значением ‘петь песни’ ср. непонятное рус. диал. *ижáть*: *ижать песни* ‘петь песни’ (с. 80). Не из **jyg-ia-ti* ли (к **jyg-ra*)? Если это так, то найдена форма без элемента *-r-* (ср. еще *ижйнька* ‘милая’, ‘ненаглядная’?).

⁴³ Ср.: [и] браци не бываху в них. и и грища межю селы. схожахуса на и грища на пласанье. и на всѧ бѣсовъскаѧ и грища. и ту оумыкаху жены собѣ... [и] аще кто оумрѧше творѧху трызно надъ нимъ. Лавр. летоп. 14 или особенно: Того ради не подобает христыяномъ въ пирехъ и на свадьбахъ бѣсовъскыхъ и грѣ и грата, аще ли то не бракъ наречется иль идололожение. — Иже есть пляска, гоудьба, пѣсни миръския, — согѣли, боубни, и вся жертва и долъска, иже молятся огневи подъ овиномъ, виламъ, Мокошь, Симоу, Рыглоу, Переуноу, Волосу скотью богу, Хърсоу, родоу, рожаницамъ и всѣмъ проклятымъ богомъ ихъ. — «Слово некоего Христолюбца», см. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914, с. 376.

⁴⁴ Растворгусев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973, с. 262.

⁴⁵ Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962, с. 926; Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходній Магілёўщчыны. Мінск, 1970, с. 445 и др. К значению ‘бредить’

до сих пор рус. ц.-слав. *нагризнити* 'насмеяться', упоминавшееся выше:ср. рус. диал. *играть* 'издеваться', 'тешиться', 'злорадствовать', *играться* 'насмехаться', 'издеваться', 'тешиться', 'глумиться' (с. 69, 70). Такому развитию значений не приходится удивляться, так как лат. *lūdere* означает не только 'играть', 'плясать', но и 'развиться', 'шалить', 'шутить', 'насмехаться', 'высмеивать', 'дразнить'; вместе с тем *lūdus* сохраняет не только эти последние значения (ср. *per ludum jocistque* 'шутя', 'в шутку' у Теренция и Цицерона), но и те, которые объединяют это слово с слав. **trizna*, ср. 'публичные игры', 'состязания' (в частности, на Марсовом поле — *lūdus campestris*. Цицерон) и т. п.

Разумеется, существуют некоторые фонетические трудности в объяснении связи слов. **jygra* с др.-инд. *yaj-* (*yāg-*), авест. *yaz-*, др.-греч. ἄγομαι (< *ἄγουμαι), ἄγαος, ἄγνος 'чистый', 'святой' и т. п. (весьма существенны такие слова, как ἄγισμός 'погребальная жертва', 'священное жертвоприношение', ἄγιστεία 'священный обряд', 'культ огня' и др.) и возведении его к и.-евр. **iag-* 'reli-giōs verehren' (**iagos* 'почитание')⁴⁶. Не исключено, что нужно считаться с какой-то нерегулярностью: так, напр., можно думать о **iog-* > **jyg-*, подобно местоимению **ios* > слав. **jь* (балт. *jis*) или об исходной форме с «шва»: и.-евр. **i_øg-* > слав. **jyg-*. Если слав. **jygra* окажется действительно принадлежащим к этому кругу, то прибавится еще одно указание на гетероклитическое образование с *-n-*: *-r-* (не исключено, что формы с *-r-* можно обнаружить не только в славянском; ср. др.-греч. ἀγ-ιγρός 'печальный', 'тягостный', 'неприятный' и т. д., см. выше об этих значениях в связи с слав. **trizn-*; ср. также ἀγ-ιγρόν ἀκαθάρτον, φαῦλον, κακόν, собств. — 'лишенный почтания, сакральной чистоты' и т. п.)⁴⁷. Все эти соображения, конечно, нуждаются в обсуждении и проверке. При этом следует иметь в виду, что и *yajña-*, и *yasta-*, и ἄγαος, и **jygra* отсылают нас к идее сакральной отмененности и почтания, а не жертвы как таковой (заклание и т. п.). В этих обстоятельствах понятно различие слав. **jyg-* 'религиозно почитать' и **žyrtva* 'жертва'.

Существуют и другие возможности семантической мотивировки слов. **trizna* даже при том ограничении, что это слово производно от числительного **tri-* и так или иначе относится к жертвоприношению. Др.-греч. τρίτα (sc. ἵερά) как обозначение заупокойного жертвоприношения на третий день после

ср. представление о снах,очных видениях, бреде как порождениях подземного царства, посыпаемых человеку во сне (другой вариант предполагает, что эти явления связаны с путешествием души спящего в царство смерти).

⁴⁶ Pokorny, с. 501. Бенвенист исходит из **ieg-* (**yeg-*), что позволяет думать о ряде **ieg-*: **iog-*: **i_øg-*, объясняющем индо-иранские формы (но не древнегреческие).

⁴⁷ Теоретически допустимо думать и о слав. **tri-jyg-* (**tri-jyg-n-*) > *tri(i)z(n)-*, подобно др.-инд. *tri-yajña-* и др.

смерти⁴⁸ или платоновское *τρίταια ἔκφορα* ‘вынос (тела) на третий день’ (наряду с рядом других аналогий в индоевропейских языках) соотносятся не только с тем, что обозначается как «Христово тридьневьно лежание въ срди земльнъмъ», «тридьневьно въскрысніе» и т. п.⁴⁹, но и с известными языческими обычаями (в частности, и у древних славян) не предавать покойного погребению в течение трех дней, когда, видимо, и совершается погребальный обряд во всей его полноте⁵⁰.

Какими бы многообразными ни были возможные смысловые мотивировки слов. **trizna*, они, видимо, всегда могут быть соотнесены с числительным *три*, а само слово так или иначе всегда связано со смертью через погребальный обряд. Эта связь трех со смертью может быть введена в значительно более широкий контекст с теми же участниками. В недавней работе этот контекст, образующий определенный сюжет, был проанализирован подробно⁵¹, и поэтому здесь можно суммировать только те основные соображения, которые наиболее непосредственно связаны с темой этой статьи. Речь идет прежде всего о сюжете, в котором участвуют мифологические или сказочные герои, чье имя значит «третий» (ср. др.-инд. *Trita*; авест. *Өrita*, *Өraētaona*, позже *Frētōn*, *Farīdān* и т. д.; рус. *Иван Третей*, *Третьяк*, *Третий брат* в сказках типа 301 по Аарне-Томпсону и т. д.). Преданный своими братьями, которые нередко обозначаются как «Первый», «Второй» (ср. *Ekata*, *Dvita* — братья *Trita*’ы и т. д.), «Третий», младший из братьев, оказывается в колодце, яме, воде⁵², подземном царстве

⁴⁸ Ср. τρίτα (ἱδρ).α ‘третий приз’ (см. выше).

⁴⁹ Ср. рус. диал. *третіны*, поминки по умершему через три недели после его смерти. Деулинский словарь, с. 564.

⁵⁰ Поскольку в слав. **jьgo*, кажется, не получили развития временные значения, наличие др.-инд. *tri-yuga* ‘три поколения’, ‘три мировых периода’ (ср. хетт. *dā̄iuga* ‘двухлетний’) не дает основания для реконструкции слав. **tri-jьg-*, которое также могло привести к форме **triz-*. В невременном значении подобное образование встречается и в лат. *triga* ‘трехконная упряжка’ (из **tri-iug-*), ср. *bīgae* (из **bi-iug-*) и т. п. Мотив троичности выступает и в пространственном плане в фрагменте из «Хроники» Козьмы Пражского, где говорится о запрещении (в 1092 г.) особых празднеств в честь умерших (возможно, речь идет именно о тризне; ср. близкие по типу описания в русской традиции): *item sepulturas, quae fiebant in silvis et in campus, atque scenas, quas ex gentili ritu faciebant in biviis et t r i v i i s, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induit faciem larvis bachando exercabant* (III, 1). — *Jocos profanos* отсылает к традиции ритуального осмияния во время похоронного обряда, описанной М. М. Бахтиным и В. Я. Проппом. Само же лат. *jocus* ‘шутка’, ‘то, что осменивается’, ‘шуточная песня’, ‘игра’, ‘веселье’ и т. п. восходит к и.-евр. **je-k-*: **iok-* ‘говорить’ (в частности, о торжественной, ритуализованной речи, ср. умбр. *iuka*, *iuku*. Acc. Pl. ‘молитва’, ‘мольба’, оск. *iūklei* ‘in consecratione’ и т. д., см. Pokorný, с. 503), образующему параллель к и.-е. **ieg-* (ср. **jьgra*), ср., напр., др.-инд. *yaјñā*: *yācñā* ‘просьба’, *yaјati*: *yācati* и т. п.

⁵¹ Топоров В. Н. Авест. *Өrita*, *Өraētaona*, др.-инд. *Trita* и др. и их индоевропейские истоки. — Annali di Ca’ Foscari, 1977, XVI, 3, с. 41—65.

⁵² Ср. Иван Водович, *Trita Āptya*, *Āḍwya*, т. е. ‘водный’. Сюда же следует от-

(иногда тройного состава) и т. п. образах смерти, но он побеждает препятствия (иногда добывает мертвую и живую воду) и возвращается на землю победителем, получает в награду царскую дочь и царство. Трита находится в воде, в нижнем мире, но он постоянно взвыает к Небу и Земле, обозначая тем самым весь тройной состав Вселенной. Поскольку персонажи этого рода связаны преимущественно именно с нижним миром, смертью, а в архаичных космогонических текстах нижний мир вводится в описание третьим (после Неба и Земли), то возникает соблазн видеть в «тройных» именах Триты, Трайтоны, Третьяка (Ивана) указание на третью царство, преисподнюю, куда они спускались, разыскивая живую воду. Каждый из этих персонажей хозяин третьего царства (или его пленник), который, однако, преодолевает смерть и восстанавливает космогоническую связь нижнего мира с Небом и Землей. Уместно здесь напомнить о многочисленных текстах (напр., древнекитайских), в которых элементы мироздания обозначаются по принципу: Небо — это одиин (первое), Земля — это два (второе), Нижний мир — это три (третье). Таким образом, слав. **trizna* может быть включено в эту тройственную схему именно в связи с темой смерти и третьего царства (преисподней). Точность выполнения погребального ритуала обеспечивает преодоление смерти, возрождение к новой жизни, к восстановлению контактов с двумя другими мирами, т. е. к новому созданию тройного состава Вселенной. Если вспомнить, что генетически «Третий» является младшим сыном Громовержца, наказанным им смертью (часто как раз с помощью расчленения, размельчения, раздробления, растирания его тела)⁵³,

нести и др.-греч. Τρίτων, имя морского божества (позже во множ. ч. — ‘морские демоны’; Геродот IV, 188 сообщает о ливийском (якобы) божестве Тритоне, связанном с водами (ср. там же реку Тритон и озеро Тритониду), восседающем на треножнике (см. выше) и предсказывающем будущее), а также др.-ирл. *triath* ‘море’ (Gen. *trethan*), возможно, иллир. *Titanus*, *Tritano*, *Tritanerus* и т. п. В Эдде упоминается мифологический персонаж, занимающий самый высокий (третий) престол, — *Fridi*, собств. — ‘третий’ («Видение Гюльви» в «Младшей Эдде»), рассказывающий о Муспелле (здесь — страна огня), который в одном древнемецком тексте X в. соотносится с концом мира, страшным судом, смертью.

Особенно важен в этом контексте образ Триптолема ((Τριπτόλεμος), мифологического царя Элевсина, родоначальника земледелия и изобретателя плуга, олицетворявшего тройную всашку, по смерти же — судьи подземного царства. Триптолем теснейшим образом был связан с Деметрой, которая обучила его элевсинским таинствам; он ввел в Элевсине культ Деметры и стал ее жрецом. Частые в базовой живописи изображения Триптолема в виде мальчика или бородатого мужа со скипетром или со связкой колосьев и чашей вина в руках перед Деметрой (как и более редкий мотив: Триптолем в крылатой колеснице, запряженной змеями) также ориентируют на архаичный комплекс «жизнь — смерть» и на третий космических зоны, в которых он реализуется. Ср. также Τριπτογένεια. Ср. тип Джон Яченное зерно или мифы о появлении опьяняющего напитка из растертого в пыль культурного героя. Ср. обычную игру слов в связи

⁵³ Ср. тип Джон Яченное зерно или мифы о появлении опьяняющего напитка из растертого в пыль культурного героя. Ср. обычную игру слов в связи

но преодолевшим смерть (ср. др.-греч. νέκταρ, напиток бессмертия; ταρ — и.-е. *ter- : *tr̠- ‘преодолевать’, ‘побеждать’, согласно известному исследованию П. Тиме) и многократно увеличившим свою плодородную силу, то его образ как раз и реализует идею вечной смены в цикле ж и з н ь—с м е р т ь—ж и з н ь, вечного преодоления, проникновения, проницания по вертикали всех трех миров. Именно поэтому связь персонажа, кодируемого как «Третий» (*tr̠ityo- и т. п.) с этими действиями оправдана и семантически и формально; ср. и.-е. *ter- (*terə-, *teri-, *tr̠ei-, *tri- и с расширениями) ‘тереть’, ‘растирать’⁵⁴, ‘сверлить’ и *ter- (*terə- : *tr̠-, *tr̠ā-) ‘преодолевать’, ‘достигать’, ‘спасаться’⁵⁵ и ряд образований от этих корней, практически не отличимых от производных от и.-евр. числительного три. Естественно, что вопрос о соотношении этих элементов нуждается в дальнейшем исследовании. Тем не менее, сама густота слоя ассоциаций мотива троичности с темой смерти, загробного мира, жертвоприношения производит достаточно внушительное впечатление и не может быть отнесена за счет случая.

с Тритой: Боги с т е р л и этот грех на Т р и т у . Т р и т а с т е р его на людей» (ср. Атхарваведа VI, 113, 1).

⁵⁴ Ср. лат. *triticum* ‘пшеница’ (т. е. ‘растертая’) при *terō*, *trīvī*, *trītūm* и т. п. Любопытно, что загадка-шутка *три, три и три; что будет?* (ответ: дырка (как результат трех и три) предполагает игру между формами числительного три (ложный ответ: девять как сумма трех три) и глагола т е р ё ть.

⁵⁵ См. Pokorný, с. 1071—1075. Ср. также соответствующие предложно-наречевые формы типа др.-инд. *tirás*, др.-ирл. *tri*, *tre*, лат. *trāns* и т. п. с идеей проникновения через, сквозь, за пределы, отсюда — туда, снизу — вверх и т. д. О возможной связи с *ter- в таких случаях, как лат. *inter*, *intrō*, *intrā*, *interus*, *interior*, корн. *unter*, *untre*, др.-инд. *antár*, *ántara*, алб. *nder* и т. п., см. в другом месте. — Интересно, что сложным образом с и.-е. *ter- ‘проницать’, ‘тереть’, ‘сверлить’ связаны литовские слова, которые (по крайней мере, внешне) предельно близки к слав. **trizna*. Речь идет о лит. *triznà* ‘kas viduriučja’, *triznoti* ‘kiek viduriuoti’ (само обозначение действия ‘страдать поносом’ через *viduriuoti*, ср. *vidurýs* ‘середина’, *vidús* ‘внутренность’, показательно и возвращает нас к теме п.-е. *en-ter, *n-ter, ср. дивизентерия — дъюс-еүтеріа или франц. *entraîles* из лат. *intralia*, ср. нутрб и т. п.). Эти слова связаны с лит. *triesti* (*triedžiu*) ‘страдать поносом’, *trýsti*, которые возводятся к указанному *ter- (Fraenkel, с. 1122). В свою очередь с этими глаголами связаны имена типа *traidà*, *tridé* и т. д. с соответствующими значениями. Отсюда — объяснение лит. *triznà* из **trid-d-na*, ср. *triccas* из **trid-šas*. Вместе с тем соблазнительно лит. *triesti*, *trýsti* сопоставить с слав. **drystati* (ср. *triznà*: **drystn'a* и т. п.). Не представляет особого труда связать лит. *triznà* в указанном значении с *triznà* ‘горячий’, ‘скорый’ (Дусяты, см. *Büga K. Rinktinial Raštai. I. Vilnius, 1958*, с. 290; *Fraenkel*, с. 1122) или *triznà* ‘kas labai jaudinasi, «бёдоja», и *triznioti* ‘baimintis’, ‘be reikalo rūpintis’ (см. *Vitkauskas V. Šiaurės rytu dūnininkų šnekta žodynas. Vilnius, 1976*, с. 406). Однаковые по своим истокам (в предельном случае) и разные по образованию и истории, славянские и литовские слова в конечном счете обнаруживают некоторые семантические схождения в примерах, которые игрою случая оказались максимально подобными друг другу.